

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ФОНД
ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В О Е Н Н Ы Й
ВЕСТНИК № 6

ЧЕЧНЯ
И СОСТОЯНИЕ
РОССИЙСКОЙ
АРМИИ

Москва

Октябрь 1999 г.

ЧЕЧНЯ И СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКОЙ АРМИИ

Армия должна быть не такой, к какой мы привыкли, а такой, какая нам нужна.

Шарль де Голль

Неудачное ведение войны в Чечне в 1994-1996 гг. стало явной неожиданностью для российского общества, которое привыкло рассматривать армию как грозную силу, перед которой, как считалось, трепетали Европа и Америка, и на содержание которой страна не жалела средств.

Неудивительно, что армия оказалась объектом беспрецедентной по остроте и пафосу критики в СМИ.

Вот несколько образцов такой критики:

"Очень странная и бесконечная война — этакий эталон кровавых неудач. Так и хочется спросить: достойно ли России столь бездарно воевать с чеченцами, России, победившей Наполеона и Гитлера?" (Александр Колпаков. Московский комсомолец, 11.09.1996).

"150 миллионов проиграли одному миллиону. Авиация, артиллерия, ракеты проиграли автомату с гранатометом. ... Все последние годы нас, журналистов, обвиняли, что мы «мараем армию». А мы отбивались: мол, ругаем министра, плохих генералов, саму же армию не трогаем — она хорошая. Зря заискивали. Армия гнилая насквозь. А кто не верит, — пусть бы поглядел, как из Грозного на БТРах вывозят шифоньеры". (Александр Минкин. Новая газета, 2-8.09.1996).

"Чувствуется, что от Чечни крыша у генералов поехала в другую сторону. И они стали причину своего поражения видеть не в собственной глупости и некомпетентности, а также дистрофии опущенной ими до скотского состояния армии, а во «всенародном характере обороны» боевиков". (Михаил Кругов. Тайны военной реформы. — М: ДЕКА, 1998. С. 65.).

"Воровство во всех видах — закон современной армейской жизни. Воровать так же естественно, как спать, есть и заниматься любовью. ... Наша армия выкрашена в ровный, хорошо насыщенный цвет расхитительства, воровства, злоупотреблений, подхалимства, лакейства и подлости. ... Им (военным — Ред.) нельзя доверять деньги — вот в чем проблема-то. Моральное разложение в войсках достигло такой глубины, что сейчас это уже все равно, что давать деньги трижды отсидевшему за мелкие кражи и разбой соседу-наркоману, чтобы он качественно отремонтировал вам квартиру, пока вы будете в отпуске. Примерно так же умно и предусмотрительно". (Юлия Калинина. Московский комсомолец, 23.03.1999).

Армия решительно отвергает столь жесткую критику в свой адрес. Косая армейского генералитета, особенно та его часть, которая принимала непосредственное участие в боевых действиях, вообще не считает, что армия потерпела военное поражение. По мнению генералов, армия была вынуждена нести тяжелые потери и вообще уйти из Чечни не по своей вине, а в результате безграмотных, если не предательских действий политиков в Кремле и развязанной СМИ антиармейской кампании.

Генерал Павел Грачев, например, не отказывается даже от своих слов о том, что Грозный можно было взять за очень короткий срок. "Да, можно, - говорит П.Грачев — если бы мы могли действовать по всем правилам военного искусства. То есть если бы мы в течение нескольких дней проводили так называемое комплексное огневое поражение с использованием авиации, артиллерии, других специальных средств. Разрушив все до основания и нанеся такой урон противнику, при котором он был бы деморализован или на 60% уничтожен. Только после этого в город можно было бы впускать войска и заканчивать операцию".

На вопрос корреспондента, что же помешало ему действовать таким образом, Грачев ответил:

"На сегодняшний день эта операция является уникальной еще и потому, что сразу же пошли установки: бомбоштурмовые и артиллерийские удары по городу не наносить, бить наверняка по тем местам, где есть скопление противника, а мирных жителей не обстреливать. Ограничение и сдерживание — это уже нарушение законов войны".¹

Практически все генералы-участники боев в Чечне также убеждены, что именно политики не дали им возможности воевать в полную силу и с меньшими потерями. По словам последнего командующего Федеральной группировкой в Чечне генерала Вячеслава Тихомирова: "Нельзя лукавить, нельзя принимать половинчатые решения, нельзя по три раза захватывать один и тот же опорный пункт и по звонку из Москвы оставлять его, бездарно гробя жизни солдат".²

Исполнявший обязанности командующего федеральной группировкой войск генерал Константин Пуликовский во время захвата чеченцами Грозного в августе 1996 г. и сейчас твердо убежден, что политики просто украли у него решающую победу над противником. Выступая в передаче РТР 6 августа 1999 г. по случаю трехлетней годовщины захвата Грозного чеченцами, генерал Пуликовский дал свое видение событий тех дней. По его словам, после захвата Грозного боевиками 6 августа он в течение 12 дней стягивал федеральные войска с гор и плотно перекрыл все 130 дорог, ведущих в город. В результате, по мнению Пуликовского, в ловушке оказались не только основные силы боевиков, но и все чеченские полевые командиры. 20 августа он был готов приступить к уничтожению окруженного противника, дав гражданскому населению 48 часов на то, чтобы покинуть город. И в этот решающий момент политические дилетанты, которые, по мнению Пуликовского, опаснее врага, спасли боевиков, отдав приказ о прекращении огня и боевых действий в Грозном и на всей территории Чечни с 23 августа 1996 г. По убеждению Пуликовского, в Чечне Россией была проиграна не война, а политическая авантюра.

Даже генерал Игорь Родионов, сменивший Павла Грачева на посту министра обороны и поддержавший решение о выводе российских войск из Чечни, не согласился на своей пресс-конференции 1 октября 1996 г. с мнением журналистов, что российская армия в Чечне потерпела поражение. К числу побед армии за два года боев он отнес разгром военной инфраструктуры и авиации сепаратистов, а также уничтожение их тяжелого вооружения и крупных вооруженных формирований.

¹ Независимое военное обозрение, № 3, 18 ноября 1995 г.

² Московский комсомолец, 11 сентября 1996 г.

И Грачев, и Родионов, и другие генералы Минобороны считали, что, заняв все основные населенные пункты и рассеяв вооруженные силы противника, армия выполнила свои задачи. По словам Павла Грачева, "после взятия Грозного к лету 1995 г. мы быстро и без потерь освободили все города, оставшихся непримиримых — не более тысячи человек — загнали в горы, потихоньку додавливая их до ледников".³

А вот как пренебрежительно оценивал военную силу чеченцев Игорь Родионов буквально за день до захвата Грозного чеченцами в интервью "Красной Звезде": "Вдумайтесь, даже сегодня бандформирования насчитывают до 70 групп по 15-25 человек. Вместе с разрозненными боевиками и вооруженными уголовниками — 3-3,5 тысячи человек".⁴

Правда, на следующий день эти "группы по 15-25 человек" захватили Грозный с российским гарнизоном в семь с половиной тысяч человек.

Однако и за потерю Грозного армия себя не винит, ибо войска Министерства обороны были представлены в Грозном одной парашютно-десантной ротой, героически сражавшейся вплоть до 22 августа, а остальной многотысячный гарнизон состоял из войск МВД, милиционеров, офицеров ФСБ, ФАПСИ и других силовых ведомств.

Не считают, что они плохо воевали, не только генералы, но и многие простые офицеры. Лейтенант Владимир Ефремов, командир батареи 276-го мотострелкового полка, раненый во время боев за Грозный в августе 1996 г., когда армейские части попытались прийти на выручку осажденного гарнизона:

"Народ наш недоумеваает: неужели армия разучилась воевать? Почему несем такие потери? Да не разучились. Моя батарея, например, уже через три минуты на марше открывала огонь. А какой меткостью отличились вот эти танкисты, что лежат сейчас обгорелые и забинтованные? Но зачем нас бросать в тесные границы города, напичканного боевиками? Этот абсурд повторяется который год подряд".⁵

Кто же прав в этом споре — общество в лице СМИ, обвиняющее армию в неумении воевать, или армия, считающая, что в потере Чечни виновны политики, не позволившие армии воевать в полную силу, а также СМИ, дискредитировавшие армию и лишившие ее общественной поддержки?

Конечно, основания для недовольства друг другом были и у той и у другой стороны.

Без поддержки общества армия одерживать победы не может. Генерал армии Махмут Гареев справедливо считает, что "ни одна армия не может успешно действовать, если, как это было в русско-японскую войну начала века или в Чечне, она морально убивается своими же соотечественниками и СМИ".⁶

Поражение американцев во Вьетнаме — убедительное тому свидетельство.

С другой стороны, на какое одобрение со стороны СМИ могли рассчитывать российские генералы, стянувшие к началу штурма Грозного в январе

³ Независимое военное обозрение, № 3, 18 ноября 1995 г.

⁴ Красная Звезда, 7 августа 1996 г.

⁵ Известия, 17 августа 1996 г.

⁶ Независимое военное обозрение, № 28, 23 июля 1998 г.

1995 г. 38 тысяч солдат и офицеров, 230 танков, 454 БМП и БТР, 388 орудий и минометов и взявших город только после месяца боев, в ходе которых в бой дополнительно бросались без какой-либо подготовки даже части морской пехоты, наполовину состоявшие из снятых с кораблей матросов, абсолютно неподготовленных для боевых действий на суше.

И тем не менее спор этот бесплоден, ибо каждая сторона остается убежденной в своей правоте. Возможно, самый опасный результат войны в Чечне состоит как раз в том, что она вбила клин между армией и политическим руководством, между армией и СМИ, между офицерами и генеральским корпусом, между младшим офицерами и старшими, между МВД и армией и т.д.

Чтобы понять всю опасность взаимного недовольства армии и общества, полезно вспомнить, что случилось в России после русско-японской войны 1904-1905 гг. Та война тем более поучительна, что она дает ключ к пониманию происшедшего в Чечне, как, впрочем, и в Афганистане, в советско-финской войне, в обеих мировых войнах и даже в "холодной" войне.

Казалось бы, по соотношению сил, как и в Чечне, Россия просто обязана была победить японцев в той далеко отстоящей от нас войне. В распоряжении России были неистощимые людские и материальные ресурсы величайшей империи своего времени. Она располагала самой многочисленной в мире армией, оснащенной вполне современным для своего времени вооружением и имевшей в своем составе элитные гвардейские части. Великая транссибирская магистраль позволяла России беспрепятственно перебрасывать войска на театр военных действий, в то время как японцам приходилось высаживаться на необорудованном побережье. В отличие от Японии, Россия имела анклав русского населения в Манчжурии (Порт-Артур, Харбин, Мукден), в то время как японцам приходилось воевать на чужой, враждебной территории.

Тогда, как и сейчас, общество не могло прийти к единому знаменателю в объяснении происшедшего. Известный русский военный теоретик генерал-майор царской армии Александр Незнамов писал по поводу приводившихся причин поражения царской армии:

"И вот одни их видят в возрасте запасных, другие в отдаленности театра войны и недостатке сообщений, третьи — в том, что война была «непонятна массам», четвертые — в особенностях манчжурской природы, пятые во всем винят «генералов», шестые все беды усматривают в «общем укладе государственной жизни России» перед войной".

Разве сильно отличаются эти объяснения от тех, которые приводятся сейчас по поводу неудач армии в Чечне?

Признавая, что каждая из упомянутых причин отражала какую-то часть проблемы в целом, Незнамов тем не менее предложил одну, основную, по его мнению, причину поражения русской армии: "Мы не знаем современной войны".

В полной мере эти слова можно отнести и к советской армии, многие черты которой унаследовала нынешняя российская.

Ведь и советская армия, несмотря на свое ультрасовременное вооружение, включая ракетно-ядерное оружие, не являлась современной армией в том смысле, который вкладывается в это понятие в мировой военной науке и практике. На это не раз указывали и западные, и отечественные эксперты.

Так, в статье "Принципы формирования армии: мировой опыт", опубликованной в вышедшем в 1990 г. в СССР сборнике "Армия и общество", отмечалось, что "Советская Армия стоит вне магистральных путей развития мирового военного строительства".⁷

Более того, сравнение путей развития военного дела на Западе и в дореволюционной России показывает, что Россия уже тогда упустила возможность строительства современной для своей эпохи армии.

* * *

Современные армии мира отличаются поразительным многообразием в подходах к военному строительству. Рассмотрим системы комплектования вооруженных сил. Добровольческая армия США, например, разительным образом отличается от израильской армии, построенной по милиционному принципу, заимствованному Израилем у Швейцарии. Совсем по иному комплектуется кадрово-призывная армия Турции. И тем не менее армии этих трех стран не раз доказывали свою эффективность в боевых условиях, и ни одна из них не собирается менять национальную систему комплектования. Таким же разнообразием отличаются высшие органы военного руководства разных стран. Если в США верховным главнокомандующим вооруженных сил является президент страны, то в ФРГ канцлер возглавляет вооруженные силы только во время войны, в Швеции главнокомандующим является специально назначаемый на эту должность генерал, а Великобритания и Швейцария вообще обходятся без всяких главнокомандующих. Можно привести буквально сотни примеров, показывающих, какое огромное своеобразие присуще армиям мира.

Однако, если попытаться сгруппировать то общее, что свойственно всем современным армиям мира без исключения, можно прийти к неожиданному выводу. Оказывается, что именно эти общие черты полностью отсутствовали в советской армии. И продолжают отсутствовать в нынешней российской.

Приведем несколько примеров.

1. В наших вооруженных силах отсутствует стеновой хребет любой современной армии — профессиональный младший командный состав, а попросту сержанты-профессионалы.⁸ Этот факт не перестает изумлять зарубежных военных специалистов. Вот что пишет об этом известный военный писатель Том Клэнси:

"Советская Армия — это первая в современной истории армия, которая пытается жить без сержантов. Правда, у нее есть "сержанты", однако те, кого русские называют "сержантами", представляют собой обычных призывников, отобранных в сержантскую школу вскоре после призыва. Спустя несколько месяцев они возвращаются в свои части, но, как и все остальные призывники, демобилизуются по истечении двух лет службы. Вряд ли необходимо кому-либо доказывать, что за два года сержанта не подготовишь. На это требуется по крайней мере лет пять. Все армии, если они чего-либо стоят, держатся на сержантах. Это вам скажет любой профессиональный офицер. Так было во все времена, начиная с галльских походов легионов Цезаря.

⁷ Армия и общество. — М: Прогресс, 1990. С. 340.

⁸ Для простоты понимания здесь термин "профессиональный" употребляется в его советско-российском, а не западном смысле, о чем пойдет речь ниже. Правильнее было бы говорить о карьерных сержантах, то есть людях, рассматривающих службу в должности сержанта в качестве карьеры, вплоть до пенсии.

И несмотря на это, у Советского Союза сержантов в подлинном значении этого слова нет".⁹

Не отрицают отсутствия в российской армии полноценного сержантского корпуса и российские генералы. Так, генерал Игорь Родионов писал в 1995 г., когда он возглавлял Академию Генерального штаба:

"Больно сознавать, но дееспособного института сержантов в нашей армии нет, ибо то, что мы имеем, ни в коей мере не соответствует статусу младшего командного состава. Хотя сколько-нибудь служивший в армии человек должен отчетливо представлять себе, что сержант, призванный в Вооруженные Силы одновременно с рядовым и прошедший кратковременную скомканную подготовку, вряд ли будет авторитетным командиром для солдата. Выполнение же его прямых обязанностей и ответственность за определенный участок работы тяжким бременем ложатся на плечи офицеров. ... Речь идет об утере естественного связующего звена между офицерами и солдатами, в результате чего существенно снижается боеспособность подразделений, частей и соединений, группировок войск (сил). А следовательно, надо уже говорить об ущербе в целом всей военной составляющей государственной безопасности".¹⁰

2. Россия до сих пор остается единственной страной в мире, придерживающейся принципа экстерриториальности воинской службы, предполагающего отказ военнослужащему в праве служить в том административно-территориальном районе страны (области, республики), где он проживал до призыва в армию, а также отказ, в случае передислокации в другой регион, в праве служить в одном подразделении (части) вместе с земляками.

Ни один из принципов комплектования армии не отстаивался советским руководством столь бескомпромиссно и рьяно, как принцип экстерриториальности. "Экстерриториальный принцип комплектования — это не прихоть командно-бюрократического аппарата, а объективная необходимость", говорил на II съезде народных депутатов СССР начальник Генштаба генерал М.Моисеев, характеризуя все попытки перехода к территориальному принципу комплектования как "абсурдные с военной точки зрения". Российская армия также продолжает придерживаться этого принципа, хотя в отдельных случаях и разрешают призывникам служить недалеко от места призыва. Однако делается это главным образом в интересах экономии средств на транспортные расходы, а не с целью обеспечения боеспособности армии.

А между тем территориальный принцип комплектования и принцип "землячества" считаются важнейшим инструментом повышения эффективности армии.

Не случайно его используют не только все страны с милиционными и кадрово-призывными армиями, но и ряд стран с добровольческими вооруженными силами. Например, в английской армии традиционно используется так называемый территориально-полковой метод комплектования, в соответствии с которым полки сухопутных войск комплектуются с учетом регионального деления страны. Так что географические названия английских полков (йоркширский, ланкаширский и т.д.) — не только дань традиции, но и прямое отражение территориального принципа их комплектования.

⁹ Policy Review, Winter 1988. P. 28-29.

¹⁰ Красная звезда, 4 апреля 1995 г.

В 1981 г. США также начали внедрять территориальный ("земляческий") способ комплектования своих сухопутных войск, носивших до этого в основном экстерриториальный характер (военнослужащий мог повлиять на место своей службы только при заключении контракта по найму). Суть этой системы, получившей название "полковой" (ее также называют "когортной"), заключается в том, что военнослужащие из одного региона страны проходят весь период службы, начиная с учебного центра, в одном и том же подразделении (роте, батарее), входящем в состав соответствующего полка.

Перевод американцами значительной части своих вооруженных сил на территориальную систему комплектования объясняется не столько влиянием английского примера, сколько использованием опыта второй мировой войны. Изучая причины поразившей их стойкости немецких войск, оказывавших упорное сопротивление противнику даже в условиях полного превосходства последнего в танках и авиации, американцы пришли к выводу, что секрет этой стойкости заключается прежде всего в том, что немецкая армия была сверху донизу построена по территориальному принципу, придававшему ей повышенную, по сравнению с экстерриториальной армией США того времени, спайку, особенно в нижнем звене (взвод-рота-батальон).

Сказался и опыт Израиля, где состав экипажа танка, например, не меняется, как правило, не только в период действительной службы, но и во время сборов в течение всего срока пребывания экипажа в резерве.

О том, что американцы признают важность "локального патриотизма" в поддержании высокого морально-психологического настроения солдата, свидетельствует и тот факт, что американские военнослужащие голосуют во время выборов не в местах своего расквартирования, а там, где они были призваны на службу.

Можно привести и ряд других примеров того, что Россия стоит в стороне от столбовой дороги мирового военного строительства. Так, в отличие от всех развитых стран, только в России Министерство обороны возглавляет военный, а не гражданский человек. Только Россия имеет не одну, как все современные государства, а целых три независимые друг от друга армии — Вооруженные силы Минобороны, Внутренние войска МВД и Федеральную пограничную службу.

* * *

Однако есть одна, главная отличительная черта российской армии, без которой невозможно ни понять ее перечисленные выше отличия от современных армий мира, ни объяснить неудачи российских войск в Чечне, ни провести, наконец, осмысленную военную реформу.

Эта отличительная особенность заключается в том, что ни царская Россия, ни Советский Союз не сумели создать полноценный профессиональный офицерский корпус. Разумеется, слово "профессиональный" здесь употребляется в том значении, в котором оно используется на Западе, прежде всего в США. Дело в том, что слова "профессионал", "профессиональный" имеют в английском языке совершенно иное значение, чем в русском. Это у нас их употребляют направо и налево ("профессиональный политик", "профессиональный наемник" и т.д.) и всякий, считающий себя специалистом в своем деле, называет себя профессионалом.

В русском языке профессия — это прежде всего *род трудовой деятельности*, требующий определенной подготовки и являющийся основным источни-

ком существования. У нас даже в словарях указывается, что слово "*профессия*" происходит от латинского слова "*professio*", которое переводится как "объявляю своим делом".

Американцы тоже изредка употребляют слово "профессиональный" в отношении рода занятий, но только как противопоставление любительству, в основном в спорте ("профессиональный футбол").

Основное же его значение другое, в русском языке не употребляемое, и латинское "*professio*" американские словари толкуют совершенно иначе, а именно как "публичное торжественное заявление", "обет".

Наглядным примером употребления слова "профессиональный" может служить письмо читательницы издающейся в Москве англоязычной газеты "Москоу Таймс", в котором она высказывает следующую претензию к редактору: "Я глубоко уважаю "Москоу Таймс", и поэтому была искренне разочарована, прочитав в последней передовице, что американская Торговая палата названа "группой бизнесменов". Однако членами палаты являются также профессиональные мужчины и женщины, и совершенно несправедливо игнорировать этот факт". Вполне очевидно, что читательница, в соответствии с американским пониманием профессионализма, имеет в виду представителей т.н. ученых профессий (об этом ниже), скорее всего, юристов. А значит, к бизнесменам, а тем более к политикам, термин профессиональный неприменим.

Американские военные, включая аналитиков Пентагона и военных ученых, искренне изумляются, когда узнают, что в России американскую армию называют профессиональной. Реакция американских военных, когда на семинарах, конференциях и в личных беседах им задавался подобный вопрос, колебалась от недоумения до возмущения. Кадровые офицеры обычно отвечают, что они об этом не думали, но, пожалуй, считают себя профессионалами. Офицеры же национальной гвардии, являющейся неотъемлемым компонентом вооруженных сил США, оскорбленно возражали, что они никакие не профессионалы, а граждане в форме. В этом их поддерживали и офицеры-резервисты.

На нашу просьбу в Пентагоне дать разъяснение терминов "профессиональные вооруженные силы" и "профессиональный военный" пришел следующий ответ, выдержки из которого мы приводим. "Мы провели поиски официального толкования терминов "профессиональная армия/профессиональные вооруженные силы/профессиональный военный". Результаты нам показались интересными. Выяснилось, что в Комитете начальников штабов таких терминов не употребляют. Не пользуются ими и спичрайтеры министра обороны, хотя они оказали нам помощь в попытках найти ответ. Более того, эти спичрайтеры заинтригованы проблемой использования этих терминов в России, поскольку их использование русскими совершенно не отражает смысла, вкладываемого в них американцами. Тем не менее им пришлось признать, что какого-либо официального определения данных терминов не существует. Спичрайтеры, вероятно, попытаются добиться, чтобы аппарат министра обороны в будущем сформулировал эти дефиниции".

Что же касается проблем профессионализма вообще и военного профессионализма в частности, то на Западе им посвящено большое количество специальной литературы, совершенно неизвестной у нас. В самом кратком виде взгляды на профессионализм в США, например, где они наиболее четко сформулированы, сводятся к следующему.

Непременными атрибутами профессионализма считаются компетентность (наличие специальных знаний и академического образования), чувство ответственности и призвания, корпоративность (принадлежность к той или иной корпоративно-бюрократической структуре) и самоуправление. В свою очередь, эти атрибуты вполне конкретны по содержанию.

Компетентность. Эталоном профессионализма служат так называемые "ученые профессии" (*"learned professions"*). Толковый словарь Уэбстера определяет их следующим образом:

"Ученые профессии — это одна из трех профессий — теология, юриспруденция, и медицина — традиционно ассоциирующихся с интенсивной учебой и эрудицией; в широком смысле — всякая профессия, для приобретения которой считается необходимым академическое образование".

Профессиональная компетентность является частью общей культурной традиции общества. Профессионал может успешно применять свои знания, лишь осознавая себя частью этой более широкой традиции. Соответственно, профессиональное образование состоит из двух ступеней: первой, включающей широкую либеральную (общекультурную) подготовку, и второй, предоставляющей специальные знания по профессии. Либеральное образование профессионала обычно приобретает в общеобразовательных учреждениях. Вторая, техническая фаза профессионального образования, предполагает уже наличие специализированных учебных заведений.

Чтобы уяснить всю бездну между советским (постсоветским) и американским понятием профессионального образования достаточно вспомнить, какое образование дают наши профессионально-технические училища.

Чувство ответственности и призвания. Профессионал — это специалист-практик, предоставляющий обществу услуги, такие как здравоохранение, образование, правовая или военная защита, которые существенно важны для функционирования общества. Химик-исследователь, например, не является профессионалом, поскольку его деятельность хотя и полезна для общества, не является жизненно важной для его непосредственного существования и функционирования. В то же время существенно важный для общества характер услуг профессионала и его монополия на них налагают на профессионала обязанность предоставлять свои услуги по требованию общества. Эта ответственность перед обществом отличает профессионала от других специалистов, чей род занятий связан только с интеллектуальным мастерством. Тот же химик-исследователь по прежнему остается химиком-исследователем, даже если он решит применить свои знания в антиобщественных целях. В этой связи должно быть ясно, насколько нелепо называть профессионалом, например, чеченского боевика или террориста, как мы это сплошь и рядом делаем.

Именно обязанность служить обществу и преданность своему призванию составляют главную мотивацию профессионала. Финансовая мотивация не может быть главной целью профессионала, если он настоящий профессионал.

Корпоративность и самоуправление. Отличительной чертой профессионализма является существование между членами одной профессии "чувства органичного единения", попросту — коллективизма. Члены одной профессии отчетливо сознают себя в качестве группы, отличной от непрофессионалов и членов других профессий, с собственными критериями эффек-

тивности своей деятельности. Это коллективное чувство является результатом длительных совместных тренировок и сотрудничества, а также осознания своей уникальной социальной ответственности.

Военная профессия обладает всеми тремя вышеназванными "родовыми" чертами всякой профессии. Однако каждая из них в силу специфики военной службы имеет свои особенности.

Во-первых, военным профессионалом может быть только офицер. Вот что говорит об этом, например, "Международная военная и оборонная энциклопедия":

"Концепция военной профессии традиционно ассоциируется с офицерами, а не рядовым составом. Причина этого понятна. Тот специфический набор ценностей и норм поведения, который образует профессиональный этос, является преобладающим среди офицеров, редко встречается среди сержантского состава и, как принято считать, не существует среди рядовых военнослужащих".¹¹

Так как военная деятельность требует высокой степени компетентности, то считается аксиомой, что ни один человек, какими бы врожденными способностями, свойствами характера и качествами руководителя он ни обладал, не может осуществлять эту деятельность эффективно без значительной подготовки и опыта. До того, как ведение боевых действий приобрело характер чрезвычайно сложного дела, офицером можно было стать и без специальной подготовки, купив, к примеру, офицерский патент. Однако сегодня лишь тот, кто все свое рабочее время посвящает военному делу, может надеяться на достижение значительного уровня военного мастерства. Профессия офицера — это не ремесло (преимущественно техническое) и не искусство, требующее уникального таланта, который невозможно передать другим. Это сложное интеллектуальное занятие, требующее длительного всестороннего обучения и тренировок.

При этом мастерство офицера заключается в управлении вооруженным насилием, но не в применении насилия как такового. Стрельба из пулемета, гранатомета или танка — это в основном техническое ремесло. Руководство мотострелковой или танковой ротой — это совершенно иной вид умения. Интеллектуальное содержание военной профессии требует от современного офицера посвящать от трети до половины своей профессиональной жизни организованному обучению — вероятно, самое высокое соотношение между временем на обучение и на практику, чем в любой иной профессии.

При этом чем более крупными и сложными организациями для осуществления вооруженного насилия способен управлять офицер, чем шире диапазон ситуаций и условий, в которых он может быть использован, тем выше его профессиональное мастерство. Офицер, способный руководить действиями лишь мотострелкового взвода, обладает столь низким уровнем профессионального мастерства, который ставит его на самую грань профессионализма. Офицер, который может управлять действиями воздушно-десантной дивизии или атомной подводной лодки — высококвалифицированный профессионал. Генерал, который может руководить сложными действиями в ходе общевойсковой операции с участием морских, воздушных и сухопутных сил, находится на высшей ступени своей профессии.

¹¹ Статья "Вооруженные силы и общество", "Международная военная и оборонная энциклопедия", под ред. Треворы Н. Дюпуи. Т. 1. С. 188. Вашингтон, Изд-во Брэсси'с. 1993 г.

Для овладения военным мастерством требуется широкое гуманитарное образование. Способы организации и применения вооруженного насилия на любом этапе истории очень тесно связаны с общими культурными особенностями общества. Границы военного мастерства, так же, как и границы права, пересекаются с границами истории, политики, экономики, социологии и психологии. Кроме того, военные знания пересекаются с естественными науками, такими как химия, физика и биология. Для должного понимания своего дела офицер должен представлять себе, каким образом оно связано с другими областями знаний, а также как эти области знаний могут способствовать его собственным целям. К тому же он не сможет по-настоящему развить свои аналитические способности, интуицию и воображение, если будет тренироваться только лишь в исполнении профессиональных обязанностей. Так же, как адвокат или врач, офицер постоянно имеет дело с людьми, что требует от него глубокого понимания особенностей людей, их мотивации и поведения, а это достигается либеральным образованием. Поэтому так же, как общегуманитарное, либеральное образование стало предпосылкой овладения профессиями врача и юриста, оно считается необходимым элементом подготовленности профессионального офицера.

Возможно, именно здесь лежит самое большое различие в нашем и западном понимании сути военного профессионализма.

Зарождение военного профессионализма и профессионального офицерского корпуса приходится на начало XIX века.

Его появление было вызвано тремя основными причинами:

- ускоренным развитием военных технологий;
- появлением массовых армий;
- усилением институтов буржуазной демократии.

Ускорившийся военно-технический прогресс способствовал превращению армий и военно-морских флотов в сложные организационные структуры, включающие в себя сотни различных военных специальностей. Это породило потребность в специалистах по их координации. В то же время возрастающая сложность и комплексность военного дела практически исключала совмещение таких координационных функций с поддержанием компетентности во всех этих специализированных областях военной деятельности. Становилось все труднее и труднее оставаться экспертом по применению вооруженной силы в межгосударственных конфликтах и быть одновременно компетентным в сфере использования армии для поддержания внутреннего порядка в государстве и управления последним. Функции офицера стали все более дистанцироваться от функций полицейского или политика.

Возникновение массовых армий также вело к вытеснению военачальника-аристократа, совмещавшего занятие военным делом с функциями придворного и землевладельца, офицером-специалистом, целиком посвятившим себя военному делу. На смену сравнительно немногочисленным армиям XVIII века, состоявшим из рекрутов с пожизненным сроком службы пришли солдаты-призывники, возвращавшиеся после нескольких лет военной службы к гражданской жизни. Обучение резко возросшего и постоянно обновляющегося потока новобранцев потребовало офицеров, целиком и полностью посвящающих себя военной службе.

Появление массовых армий привело и к изменению отношений офицерского корпуса и рядового состава с остальным обществом. Если в XVIII веке солдаты-наемники представляли собой своего рода прослойку отверженных,

а зачастую и просто отбросов общества, не имевших корней в народе и не пользовавшихся его доверием, то офицеры, напротив, в силу своего аристократического происхождения занимали в обществе привилегированное положение. В XIX веке их роли поменялись. Рядовой стал представителем самых широких слоев населения, по сути гражданином в форме, а офицеры, напротив, превратились в замкнутую профессиональную группу (касту), живущую в своем замкнутом мире и слабо связанную с жизнью общества.

Третьим фактором, способствовавшим утверждению профессионализма, стало укрепление демократических институтов в основных странах Запада. Идеологи буржуазной демократии, естественно, стремились перекроить армию в соответствии с собственными взглядами и убеждениями и сделать ее максимально приближенным отражением общества. Крайние формы это стремление демократизировать армию нашло свое выражение в требованиях выборности офицеров. Так, в годы Американской революции офицеры американской милиционной армии выбирались населением. Выборными были офицеры и в первые годы Французской революции.

Разумеется, принцип выборности офицеров так же несовместим с военным профессионализмом, как и их назначение в силу аристократического происхождения. Тем не менее усиление буржуазии с ее требованиями равного представительства населения во всех институтах власти, включая армию, явилось важным фактором разрушения монополии дворянского сословия на формирование офицерского корпуса. Именно борьба между буржуазией и аристократией за право определять офицерский состав армии, в ходе которой обе стороны были вынуждены идти на заключение компромиссов, позволил офицерскому корпусу дистанцироваться от тех и других и строить армию в соответствии с собственными принципами и интересами.

Прародительницей военного профессионализма считается Пруссия. Некоторые исследователи профессионализма (например, Сэмюэль Хантингтон) называют даже точную дату его рождения — 6 августа 1808 года.

В этот день прусское правительство издало указ о порядке присвоения офицерского звания, который с бескомпромиссной четкостью установил следующие базовые стандарты профессионализма:

"Единственным основанием для присвоения офицерского звания отныне будет в мирное время — образование и профессиональные знания, а в военное время — выдающаяся доблесть и способность к постижению того, что требуется делать. Поэтому во всем государстве все лица, обладающие указанными качествами, имеют право на занятие самых высоких воинских должностей. Все существовавшие прежде в армии классовые привилегии и преференции отменяются, и каждый человек, независимо от своего происхождения, обладает равными правами и обязанностями".¹²

Прусские военные реформаторы (Шарнхорст, Гнейзенау, Грольман) установили высочайшие для своего времени требования к образовательному уровню кандидатов в офицеры. При этом основной упор делался ими на об-

¹² "Reglement über die Besetzung der Stellen der Portepée-Fähnriche, und über die Wahl zum Officier bei der Infanterie, Kavallerie und Artillerie, 6 August 1808," published in Prussian General Staff, *Die Reorganisation der Preussischen Armee nach dem Tilsiter Frieden* (Berlin, 1857), vol. II, Sec. 3, pp. 366-369. Цитируется по книге С.Хантингтона *"Солдат и государство: Теория и политическая практика гражданско-военных отношений"* [Samuel P. Huntington, *The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations* (Belknap/Harvard, Cambridge, 1985)]. С. 30.

ладание знаниями в гуманитарной и естественнонаучной областях и на способности к аналитическому мышлению.

Кандидат в офицеры должен был иметь образование не ниже классической гимназии или кадетской школы.

Прежде чем получить первичное офицерское звание лейтенанта кандидат в офицеры должен был преодолеть следующие преграды:

1. Получить разрешение командира полка на допуск к экзаменам.
2. Сдать вступительные экзамены. При этом на экзаменах (продолжавшихся шесть полных дней) основное внимание обращалось не столько на знание фактов, сколько на общий интеллектуальный уровень и способность к самостоятельному мышлению.
3. Отслужить в полку шесть месяцев в качестве рядового.
4. Сдать экзамены на получение звания фенриха (прапорщика).
5. Пройти 9-месячную подготовку в дивизионной школе по военным дисциплинам.
6. Сдать экзамены по военным дисциплинам.
7. Получить согласие офицеров полка на службу в его рядах.

Прусская система военного образования, отдававшая приоритет общеобразовательной подготовке и развитию аналитических способностей офицера перед собственно военными дисциплинами на первом этапе его учебы была впоследствии заимствована и другими западными странами. Наиболее продвинулись в этом направлении США. И сейчас, при всем усложнении современного военного дела, в элитных американских военных академиях Вест-Пойнта, Аннаполиса и Колорадо-Спрингс собственно военные дисциплины занимают сравнительно скромное место. Зато по общеобразовательному уровню и престижности своих дипломов в обществе выпускники этих академий ни в чем не уступают выпускникам самых лучших и дорогих университетов Америки (Гарвардскому, Стэнфордскому или Йельскому).

Прусские реформаторы не остановились на установлении профессиональных стандартов допуска в офицерский корпус. Их следующим шагом стало установление норм, регулирующих продвижение офицера по службе. Была введена строго соблюдаемая система экзаменов (письменных, устных, полевых и т.д.), без сдачи которых ни один офицер не мог получить повышение по службе. В 1810 г. была также учреждена знаменитая Военная академия (Kriegsakademie) для подготовки офицеров генерального штаба, куда мог поступить любой офицер после пяти лет военной службы. Разумеется, при условии сдачи строжайших экзаменов.

Офицер также был обязан заниматься самообразованием. В частности, от него требовалось изучение иностранных языков, подготовка переводов или хотя бы обзоров иностранной военной литературы. Знаменитый генштабист фон Мольтке (старший), например, владел шестью иностранными языками (датским, турецким, французским, русским, английским и итальянским). Им был переведен с английского на немецкий 12-томный труд Гиббона "История падения Римской империи" и на основе собственного перевода оригинальных документов написана и издана история русско-турецкой войны 1828-1829 гг. Генштаб в централизованном порядке готовил и рассылал в войска реферативные обзоры иностранных военных газет, журналов и слушаний по военным и политическим вопросам в парламентах других стран.

Офицеры, особенно офицеры Генштаба, регулярно посылались за границу для изучения иностранного опыта. Одним словом, прусские офицеры постоянно должны были находиться на острие развития военного дела за рубежом.

Пруссия была также первой в мире страной, которая ввела воинскую повинность на постоянной основе. По закону от 3 сентября 1814 г. все прусские подданные мужского пола были обязаны прослужить 5 лет в регулярной армии (три года на активной службе и два года в резерве) и 14 лет в ополчении (ландвере).

Чтобы не отвлекать офицеров на рутинную подготовку и переподготовку призывного контингента, был также создан на постоянной основе многочисленный и привилегированный унтер-офицерский корпус. После подготовки в специальных школах унтер-офицер был обязан отслужить в этом качестве 12 лет, в течение которых он также регулярно подвергался экзаменам и проверкам. После завершения воинской службы унтер-офицер получал специальный сертификат, гарантировавший его трудоустройство в гражданском секторе.

Главным толчком к прусским военным реформам послужило сокрушительное поражение, нанесенное прусским войскам французами под Иеной и Ауэрштадтом в октябре 1806 г., когда полностью наемная (сейчас ее бы назвали "профессиональной") прусская армия, беспощадно вымуштрованная в традициях Фридриха II, потеряла 250 боевых знамен, 800 пушек и 140 тысяч человек пленными. Вслед за этим Наполеон навязал Пруссии унижительный Парижский договор, согласно которому численность прусской армии не должна была превышать 42 тысяч человек (против прежних 220 тысяч). В этой обстановке король Фридрих Вильгельм II приказал генерал-адъютанту Герхарду Йоганну фон Шарнхорсту разобраться в причинах поражения и представить план реформирования армии.

Одну из главных причин французских побед Шарнхорст усмотрел в призывном характере французской армии, набиравшейся из граждан-патриотов, в то время как прусская армия комплектовалась в основном из отбросов общества, в связи с чем общество рассматривало войну в основном как дело короля и государства, а не всего народа.

Однако наиболее революционным аспектом военной реформы Шарнхорста и его единомышленников был не перевод армии на призывную систему комплектования, а вывод о том, что гениальность в военном деле излишня и даже опасна. По мнению Шарнхорста, в современной войне успех приходит в конечном итоге не к полководцу-гению типа Наполеона с его интуитивным даром подбора талантливых военных самородков, которых он в двадцатилетнем возрасте производил в генералы и маршалы, а к армиям, состоящим из обычных людей, превосходящих противника в образованности, организации и непрерывном совершенствовании своего военного мастерства.

Так возникла классическая немецкая военная школа, лишенная эмоциональных порывов, бессмысленного героизма, аморфных и неконкретных с профессиональной точки зрения идеологических догм и партийных пристрастий.

Шаг за шагом прежний аристократический дух прусского офицерского корпуса уступил место духу военной касты. Уже во второй половине XIX века линия раздела между офицерами аристократического и буржуазного происхождения была в основном размыта. Вместо военной аристократии по ро-

ждению появилась своего рода офицерская аристократия по образованию и достижениям в службе.

Прусская модель стала образцом для профессионализации офицерского корпуса в Европе и особенно в США. Конец XIX века можно считать периодом, когда военный профессионализм получил более или менее законченное развитие в армиях всех ведущих капиталистических государств мира.

* * *

Россия также не осталась в стороне от этого триумфального шествия военного профессионализма.

Его развитие в России связано прежде всего с именем генерала Д.А. Милютина, назначенного императором Александром II в 1861 г. военным министром.

Реформы Милютина, как и прусских реформаторов начала века, отталкивались от осознания правящей верхушкой банкротства существующей военной системы государства.

"Профессиональная" феодальная армия России, принудительно комплектуемая из крепостных крестьян для фактически пожизненной воинской службы и возглавляемая офицерами-дворянами, чье продвижение по службе определялось в первую очередь их местом в аристократической иерархии, стала в условиях бурного развития буржуазных государств-наций непригодной как инструмент войны. Насчитывая во время Восточной войны 1853-1856 гг. почти 2,3 млн. человек, российская армия потерпела сокрушительное поражение в Крыму от стотысячного десанта англо-французских войск, удаленного на тысячи километров от своих баз снабжения.

За два десятилетия, в течение которых Милютин возглавлял военное ведомство, ему удалось сделать немало для того, чтобы у России появился профессиональный офицерский корпус.

Как и Шарнхорст, Милютин считал, что основой профессионализма является образование. Здесь ему предстояла титаническая работа, ибо за период 1825-1855 гг., например, менее 30% российских офицеров получили хоть какое-то формальное военное образование. Милютин не только поставил присвоение офицерского звания в прямую зависимость от получения военного образования, но и реформировал всю систему последнего.

Старые кадетские корпуса, дававшие начальное и среднее образование с упором на привитие автоматического послушания посредством жесткого дисциплинарного воздействия, были упразднены. Вместо них Милютин создал военные гимназии, укомплектованные гражданскими преподавателями, задачей которых было преподавание прежде всего гуманитарных и естественных наук. Выпускники военных гимназий получали право на поступление во вновь созданные военные училища, где наряду с изучением военных предметов (стратегии, тактики, фортификационного дела и т.д.) они продолжали изучение иностранных языков, литературы и естественных наук. Одновременно были созданы так называемые прогимназии с четырехлетним сроком обучения, ученики которых готовились для поступления в юнкерские училища, дававшие более упрощенное и менее престижное, чем военные училища, образование.

С 1874 г. Милютин разрешил обучение во всех юнкерских и некоторых военных училищах представителей не только дворянского, но и других со-

словий, включая крестьянское. Целью Милютина было создание разносторонне образованного, социально ответственного офицерского корпуса, способного возглавить массовую армию с переменным личным составом и представляющего все слои общества. Потребность в такой армии стала особенно очевидной после впечатляющих побед Пруссии над Австрией в 1866 г. и Францией в 1871 г. Решающим шагом в этом направлении стало принятие по инициативе Милютина 4 января 1874 г. закона о всеобщей воинской повинности.

Реформы Милютина были первой и, к сожалению, последней попыткой построить российский офицерский корпус в соответствии с принципами военного профессионализма, утвердившимися в качестве универсальных к началу XX века во всех ведущих армиях мира.

Консервативный автократ Александр III, вступивший на трон в 1881 г. после убийства своего отца-реформатора, сразу же уволил Милютина и подверг жесткой критике и пересмотру его реформы.

Военные гимназии были упразднены, а вместо них воссозданы старые кадетские корпуса уже без гражданских преподавателей. Программы преподавания как в кадетских корпусах, так и в военных училищах были сокращены за счет гуманитарных и естественнонаучных предметов. Была ужесточена военная дисциплина и вновь введены телесные наказания. Поступление в кадетские корпуса и военные училища вновь стало доступным практически только дворянам. Единственный путь к офицерскому званию для представителей других сословий стал возможен только через юнкерские училища. Однако путь этот был чрезвычайно затруднен. Выпускникам юнкерских училищ присваивалось звание подпрапорщика (подхорунжего), и для получения первого офицерского звания прапорщика (с 1884 г. -- подпоручика) или хорунжего они были обязаны прослужить несколько лет в войсках в сущности в качестве унтер-офицеров. Юнкерские училища были также переведены из ведения главного управления военного образования в ведение военных округов, что также снизило уровень получаемого юнкерами образования.

Резко углубился водораздел между офицерами-выпускниками кадетских корпусов и военных училищ, комплектовавшихся почти исключительно дворянскими детьми (в 1895 г. 87% учеников кадетских корпусов и 85% курсантов военных училищ были дворянами) и выпускниками юнкерских училищ (доля дворян в которых сократилась с 74% в 1877 г. до 53% в 1894 г.).¹³

Так как выпускники военных училищ получали более качественное образование, чем юнкера и были теснее связаны с аристократической военной верхушкой, то становится понятным, почему они имели больше возможностей для службы в элитных гвардейских частях и для поступления в военные академии, чем менее родовитые выпускники юнкерских училищ.

Углубилось различие в положении привилегированного гвардейского и обычного офицерства. Гвардейские офицеры имели целый ряд преимуществ при продвижении по службе. Так, в гвардии в отличие от армии отсутствовали промежуточные ступени между капитаном и полковником, при переводе гвардейского офицера в армейские части он немедленно повышался в чине независимо от имеющейся выслуги лет и т.п. Образ жизни гвардейских и

¹³ Всеподданнейший отчет о действиях военного министерства за 1885 г. Отчет о состоянии военно-учебных заведений. — С.Пб., 1897. Сс. 8-9.

армейских офицеров также заметно отличался друг от друга. Отсюда лишь слегка замаскированный антагонизм между этими группами офицерства.

Естественно, что это не способствовало развитию таких неотъемлемых качеств профессионализма как корпоративность и групповая идентификация.

Не способствовало наличие многочисленных незаслуженных привилегий для части офицерского корпуса и развитию другого важного элемента профессионализма — стремлению к самообразованию как средству служебного роста. Есть немало доказательств того, что в 80-е и 90-е годы XIX столетия среди офицеров имело место падение интереса к учебе и чтению специальной литературы. Согласно статистике, в 1894 г. только 2% изданных в империи книг по оглавлениям и 0,9% по тиражу имели отношение к военной тематике. Для сравнения: в 1894 г. в России насчитывалось 34 тысячи офицеров, вдвое больше, чем докторов. И тем не менее в стране в том же году книги на медицинскую тему составляли 9% титулов и 3,7% тиража всех книжных изданий. В 1903 г. и 1904 г. было издано соответственно всего 165 и 124 книги на военную тему.¹⁴

С начала 1880-х годов и вплоть до начала первой мировой войны шло прогрессирующее падение престижности офицерской карьеры. Этому способствовал и реакционный характер контрреформ в армии после отставки Милютина, что отталкивало либерально и идеалистически мыслящую образованную молодежь, предпочитавшую искать другие способы служения отечеству. Бурный рост торговли и промышленности в России в конце XIX века открывал немало возможностей для хорошего заработка и интересной работы в гражданском секторе.

К тому же с материальной точки зрения положение основной массы офицеров было крайне незавидным. Их денежное довольствие в конце XIX - начале XX века было самым низким по сравнению со всеми другими армиями Европы. Поэтому многие офицеры искали возможности перейти на более высокооплачиваемую службу в пограничных войсках, жандармерии и МВД.

В целом, если исходить из критериев профессионализма, следует признать, что своего пика (хотя и на невысоком уровне) военный профессионализм в России достиг в период милютинских реформ, после чего вплоть до настоящего времени шла его то ускоряющаяся, то временно замедляющаяся деградация.

Возьмем Гражданскую войну. В Красной армии в этот период было еще много кадровых офицеров и генералов царской армии. Из 20 командующих фронтами их было 17. Все начальники штабов фронтов (22 человека) также были военными специалистами. Из 100 командармов раньше служили офицерами русской армии 82 человека, а из 93 начальников штабов армий — 77. Кадровые офицеры русской армии (И.И.Вацетис и С.С.Каменев) занимали пост главкома. Всего во второй половине Гражданской войны в Красной армии находилось от 150 до 180 тысяч человек начальствующего состава, из них 70-75 тысяч — бывших офицеров русской армии, в том числе около 10 тысяч кадровых офицеров и 60-65 тысяч офицеров военного времени.¹⁵

Из кого же рекрутировался остальной командный состав Красной армии? По свидетельству Льва Троцкого, "лишенных военного образования командиров было к концу гражданской войны свыше 43%, бывших унтер-

¹⁴ Книжный вестник № 9 (сентябрь 1894), С. 329; Книжный вестник № 12 (декабрь 1904), С. 107-110.

¹⁵ А.Г.Каватарадзе. Военные специалисты на службе Республике Советов. 1917-1920. — М., 1988. С. 222.

офицеров — 13%, командиров, прошедших советскую военную школу, — 10%, офицеров царской армии — около 34%.¹⁶

Впоследствии подавляющая часть царских офицеров была или изгнана из Красной Армии, или физически истреблена. К началу Великой Отечественной войны их осталось всего несколько сот человек.

Кто же пришел им на смену? За четыре года гражданской войны подпоручик Михаил Тухачевский стал командующим фронтом, прапорщик Дмитрий Гай — командующим корпусом, подпоручик Иероним Уборевич — главнокомандующим армией Дальневосточной Республики, вообще не служивший в армии Виталий Примаков стал командующим корпусом.

5 августа 1921 г. Тухачевский, никогда не учившийся в высшем учебном заведении, становится начальником Военной академии РККА.

В свою очередь репрессированных полководцев-самоучек времен гражданской войны сменили бывший унтер-офицер Георгий Жуков, ставший к концу войны командиром эскадрона. К этому же времени Константин Мерцков был помощником начальника штаба дивизии, Родион Малиновский — начальником пулеметной команды, будущий адмирал флота Иван Исаков командовал миноносцем на Каспии.

Очень хорошо описал этот процесс деградации командных кадров российской армии такой авторитетный специалист, как Андрей Кокошин. В 1996 г. еще в должности первого заместителя министра обороны он говорил:

"У нас было три категории командиров гражданской войны. Почти все командующие войсками и командармы, не говоря уже о начальниках штабов Красной Армии, были генералами или полковниками царской армии. Была вторая категория — это были поручики и подпоручики, ставшие командармами, комкорами, — Тухачевский, Уборевич. А дальше шли фельдфебели и вахмистры — Буденный, Тимошенко.."

Между всеми этими тремя категориями существовала изначально глубокая вражда. В конце 20-х годов поручики, опираясь на фельдфебелей, решили свести счеты с генералами и полковниками. Тухачевский устроил разгром военной школы Свечина, он утверждал, что они "не марксисты". ... Я считаю, что величайшей трагедией наших вооруженных сил было то, что такие люди, как Свечин и вся его школа, были уничтожены в 1928-1929 гг. В 1937 г. и сами "поручики" были съедены "фельдфебелями". "Фельдфебелей" потом тоже съели. Между прочим, это нам до сих пор аукается. Ведь академии — это кузница кадров. Они должны иметь определенную преемственность, так же как штабы, и высшие органы управления. Преемственность — в учебных программах, библиотечных фондах, документах, которые передают такие знания через поколения, от человека к человеку. Когда эту нить обрывают, следующим поколениям военачальников все приходится начинать с нуля. А когда дело доходит до войны, это неизменно означает войну большой кровью. Просто удивительно, что у нас на этой почве вырастали потом крупные военачальники вроде Жукова".¹⁷

После гражданской войны качество подготовки офицерского (командирского) состава по сравнению с дореволюционным периодом резко упало. В военные училища в 20-х–30-х годах принималась молодежь, имеющая даже неполное среднее образование, а в училища военного времени вообще по-

¹⁶ Коммунист, № 9, 1991, стр. 56.

¹⁷ Аргументы и факты, № 25, 1996 г. С. 3.

ступали без всяких конкурсов юноши после семилетки, зачастую сельской. Низкое качество обучения компенсировалось количеством выпускников. К 1938 г. в СССР было 75 военных училищ, а в 1940 г. их число возросло до 203, в которых обучалось около 240 тысяч курсантов.

В Великую Отечественную войну Красная армия вступила, имея 680 тысяч офицеров, а в течение только первого месяца войны было призвано из запаса еще 680 тысяч. Но в то же время во всем гитлеровском вермахте (а не только на советско-германском фронте) насчитывалось на 1 декабря 1941 г., когда немцы стояли у ворот Москвы, всего 148 тысяч офицеров, из которых лишь 23 тысячи были кадровыми. Да и в армии Николая II накануне первой мировой войны было только 41 тысяча офицеров.

Не удивительно, что и потери советского офицерского корпуса в годы Великой Отечественной войны были чудовищными. По данным генерала армии И.Шкадова, за четыре года войны погибло и пропало без вести около миллиона офицеров и генералов.¹⁸ Согласно академику А.Н.Яковлеву, который сам служил командиром взвода во время войны, только лейтенантов — от младшего до старшего — погибло 924 тысячи.¹⁹

Послевоенные годы также не привели к заметному повышению качества советского офицерского корпуса. Правда, значительно возросли сроки обучения офицеров. В частности, были созданы высшие общевойсковые училища с продолжительностью обучения 4-5 лет. Сроки обучения в академии имени Фрунзе, открывавшей путь общевойсковому офицеру к командованию батальоном и полком, достигли 3 лет, а в академии Генерального штаба — 2 лет. Однако учеба во всех военных вузах проводилась почти исключительно по военным и военно-техническим дисциплинам, в основном на основе сильно приукрашенного опыта Великой Отечественной войны. Мировой опыт военного строительства игнорировался, курсанты и слушатели были лишены возможности изучать иностранную военную литературу вследствие тотальной цензуры. Преподавание иностранных языков велось в самой примитивной форме. Аналитические навыки и самостоятельность при принятии решений не поощрялись.

Чтобы понять, почему многие выпускники академии Генерального штаба, в том числе и золотые медалисты, допустили так много ошибок в Чечне, приведем слова одного из выпускников академии, нынешнего министра обороны Игоря Сергеева, произнесенные им во время посещения академии Генштаба в октябре 1997 г.:

"Удивительно, но армия наша — как и двадцать лет назад — живет в основном опытом Великой Отечественной войны. Словно бы не было десятилетней войны в Афганистане, недавних событий в Чечне. Однако опыт "послевоенных" войн не обобщен. Он не внедряется в войска, забывается. Между тем иные войсковые командиры руководствуются в своей деятельности теми принципами, что сформировались, кажется, еще задолго до Великой Отечественной войны."

В ту пору, когда я учился в академии Генштаба, на занятиях командирские решения не обосновывались, а выбирались. Как бы предполагалось, что в любом случае есть единственно верное решение, которое

¹⁸ Красная звезда, 9 мая 1990 г.

¹⁹ Известия, 25 апреля 1995 г.

слушатель должен найти. А ведь академия — особенно наша — должна учить людей мыслить. Мыслить самостоятельно, нешаблонно".²⁰

Было бы несправедливо, конечно, отрицать, что и в условиях не слишком качественной с точки зрения критериев профессионализма советской и постсоветской систем военного образования в армии были и есть грамотные, квалифицированные офицеры и генералы, для которых военная служба является призванием. Ведь помимо формального образования существует еще и самообразование, и боевой опыт, с которых, как показывает история становления военного профессионализма, и начиналось формирование профессионального офицерского корпуса. Иначе откуда бы появились такие реформаторы военного дела, как Гнейзенау и Шарнхорст в Пруссии, Милютин в России или Шерман в США.

Падение "железного занавеса" и упразднение идеологического пресса КПСС открыло немало новых возможностей для критического осознания российскими офицерами и генералами уровня собственного профессионализма. Чтобы показать, что этот процесс в армии начался уже давно, процитируем некоторые высказывания в феврале 1990 г., то есть еще до распада СССР, Игоря Сергеева, тогда еще генерал-лейтенанта и заместителя главнокомандующего РВСН:

"До сих пор утверждать, что гражданскую войну выиграли унтеры с образованием церковно-приходской школы, в высшей степени примитивно. В рядах Красной армии с 1918 по 1920 гг. сражались 75 тысяч генералов и офицеров дореволюционной русской армии. Декрет о создании Красной армии Советским правительством был принят 15 января 1918 г., а уже 3 марта Высший военный совет возглавил выпускник Николаевской академии Генерального штаба генерал М.Бонч-Бруевич, который, кстати, и подготовил план обороны Петрограда.

К несчастью, всё и вся было забыто, потому что не вписывалось в ту историю, которую буквально обокрали. Вот почему перестройка в армии должна затронуть не только день нынешний, но и дни минувших лет. Грязное прошлое, как и грязный родник, противоестественно.

В 1927 г. вышло постановление ЦК партии — все стороны армейской жизни должны быть пропитаны идеологией. Чем это позже обернулось, мы знаем. За 1937-1938 гг. исключили из партии и арестовали 35 тысяч командиров. Кто же потом служил? Вместо опытных офицеров приходили (был такой термин) "наскоро подготовленные". В 1940-1941 гг. таких, "наскоро подготовленных", среди младших командиров Красной армии было уже 70%. Потоками крови мы заплатили за ту сталинскую идеологию, которой пропитывали не только армию.

... Падает занавес излишней секретности, и многим без привычных заборов стало неуютно. Появились сравнения с другими армиями — условия жизни офицеров, их социальное положение в обществе, подготовка солдата — родились грустные размышления".²¹

²⁰ Красная звезда, 22 октября 1997 г.

²¹ Аргументы и факты, № 8, 1990 г. С. 7.

Разумеется, подобные грустные размышления, пусть даже и не у большинства советских генералов и офицеров, не могли не принести своих результатов. Слово опять Андрею Кокошину:

"Мы, наконец, начинаем восстанавливать свой интеллектуальный потенциал, вытаскивая все лучшее из прошлого. У нас появляются снова люди в вооруженных силах, по своей образованности, по пониманию исторических процессов близкие к тому, что мы потеряли в 20-е годы".²²

Было бы преждевременно, конечно, обольщаться появлением у отдельных наших генералов и офицеров аналитического, профессионального мышления и попыток разобраться в причинах кризиса российской армии. Сам А.Кокошин признает, что ниточка, обеспечивающая преемственность нынешней армии со вновь открываемым прошлым российской армии, очень тонка.²³ А ведь, как мы попытались показать выше, уровень развития военного профессионализма в царской армии в силу исторических причин никогда не был высок по сравнению с лучшими армиями мира.

* * *

В связи со всем вышесказанным возникает вопрос — была ли война в Чечне той войной, на основе которой стоит делать далеко идущие выводы? Можно ли квалифицировать эту войну как показательную для состояния российской армии?

С нашей точки зрения, война в Чечне адекватно отразила кризисное состояние российской армии и низкий уровень развития в ней профессионализма. Однако было бы ошибкой считать, что армия показала себя намного хуже, чем, например, советская армия в Великую Отечественную войну или в Афганистане.

Конечно, многие действия российской армии в Чечне свидетельствуют о поразительной некомпетентности руководства войсками (не только со стороны Минобороны, но и МВД и так называемого Верховного главнокомандующего). Достаточно вспомнить обе битвы за Грозный, в январе 1995 г. и в августе 1996 г. А чего стоит разгром колонны гвардейского (!) 245-го полка под Ярыш-марды 16 апреля 1996 г. в составе 39 единиц бронетехники и 199 человек личного состава, которая без единого ответного выстрела дала себя уничтожить (83 погибших, 63 раненых, 29 единиц сожженной бронетехники) горстке моджахедов (не более 30 человек) во главе с Хаттабом. Если посмотреть снятый чеченцами видеофильм об этой бойне беспомощных российских солдат и офицеров, а также кадры фильмов боев за Грозный, то невольно возникает картина армии, совершенно разучившейся воевать.

Однако такая картина ошибочна. Если армия воюет и плохо, то ненамного хуже, чем раньше, в русско-японскую, советско-финскую, Великую Отечественную и, наконец, афганскую войны. Просто неудачи и поражения в тех войнах, в отличие от чеченской, не показывали по телевидению, а наоборот, тщательно скрывали.

Всех ужасают потери российских войск в январской 1995 г. битве за Грозный, где они потеряли 700 человек убитыми (по данным Павла Грачева)

²² Аргументы и факты, № 25, 1996 г. С. 3.

²³ Там же. С. 3.

и тысячи ранеными. Но ведь войска Грозный в конце концов захватили, правда, разрушив его почти до основания, как когда-то советские войска захватили и разрушили Берлин, потеряв при этом 78 291 человека убитыми и 274 184 человека ранеными.²⁴ А кто помнит, что в Афганистан первоначально ввели войска, почти целиком состоявшие из призванных практически без всякой подготовки запасников из среднеазиатских республик, которых спасло от огромных потерь только отсутствие сопротивления со стороны афганцев на первом этапе советской оккупации Афганистана.

В Чечне, как и в большинстве прошлых войн, наша армия начинала по настоящему учиться воевать уже в процессе боевых действий, путем жестокого естественного отбора. Как всегда, ценой жизнью многих плохо обученных призывников и офицеров, пока уцелевшие учились воевать и побеждать. Такова страшная цена, которую Россия платит за игнорирование мирового и собственного военного опыта, особенно опыта неудач и поражений.

И сейчас большинство генералитета стремится как можно скорее забыть уроки Чечни. Заместитель начальника главного управления кадров Минобороны генерал-полковник Валентин Яковлев прямо заявлял на научно-теоретической конференции летом 1995 г., что опыт чеченской войны не будет изучаться в военных вузах России как нетипичный. Вместо этого будет изучаться опыт Великой Отечественной войны, давно уже обросший героическими мифами и превратившийся в "советскую науку побеждать". Об игнорировании опыта войны в Чечне даже в академии Генштаба говорил и сам министр обороны Игорь Сергеев.

Надо сказать, что общество и особенно СМИ немало способствовали желанию армии открыто обсуждать свои неудачи в Чечне и извлекать из них полезные уроки. Перехлест СМИ в критике действий армии в Чечне очевиден. СМИ, как и большая часть общества, воспринимают почти как должное и интеллектуальную немощь и коррумпированность пришедшей к власти бывшей партноменклатуры, и близорукую алчность олигархов, и неспособность унаследованного от прошлого директорского корпуса работать в рыночных условиях. И только от армейских офицеров и генералов они почему-то ожидают бескорыстного служения Отчизне и подвигов на полях сражений по первому приказу своего непредсказуемого Верховного главнокомандующего. Более того, при этом они требуют, чтобы армия соответствовала их представлениям о современных вооруженных силах, почерпнутым из видеосюжетов о войне в Персидском заливе и очерков Артема Боровика об американской "профессиональной" армии.

На самом деле, учитывая особый, во многом внеисторический путь становления российской армии и бездарность тех политических указаний, которыми она понукалась в Чечне, армия воевала не так уж и плохо. Она показала (как показывает сейчас и в Дагестане), что в лобовых столкновениях армия вполне может противостоять чеченским боевикам. Не было случаев массовой сдачи в плен или явного отказа выполнять приказы. Дух армии не был сломлен, и она не сомневалась даже в период неудач в своей способности победить противника, если только ей развяжут руки. Вспомним, сколько раз армию останавливали, заявляя ей, что она уже победила. Уже 19 января 1995 г. президент Ельцин довел до сведения всех, что "военный этап восстановления действия конституции в Чеченской Республике практически завершен", а министр обороны Грачев уточнил, что это произошло 20 января 1995 г. в 15.00 часов.

²⁴ Независимое военное обозрение, № 17, 1998.

Надо трезво признать, особенно сейчас, в период джингоистских настроений по поводу событий в Дагестане и Чечне, что армия и не могла выиграть войну в Чечне. Не смогла бы ее выиграть и более современная, чем российская, армия. Прав генерал Лебедь, что нет на свете такой армии, которая могла бы выиграть войну подобного рода.²⁵ Об этом свидетельствует и поражение США во Вьетнаме, и уход французов из Алжира, и 15-летние попытки турецкой армии справиться с несколькими тысячами курдских повстанцев.

Сейчас в армии, как и во всем обществе, растет чувство отчаяния и безысходности. Причин для этого достаточно. А между тем полезно вспомнить, что именно кризисы (экономические, военные, моральные) были той питательной средой, из которой на Западе выкристаллизовался профессионализм, ставший прочной основой стабильности западного общества и его армий, которым мы сейчас завидуем. Так что поражение в Чечне, если из него извлечь правильные выводы, может стать поворотным пунктом на почти двухвековом пути упадка российской армии.

* * *

Было бы, конечно, наивно рассчитывать, что российская армия может быть быстро перестроена в соответствии с требованиями профессионализма. Ведь даже при хорошо поставленной системе военного образования, отвечающей стандартам передовых армий мира, для качественной подготовки профессионального офицерского корпуса потребуется не менее 15-20 лет (для командиров среднего звена — 5-10 лет, старшего звена — 10-15 лет, высшего звена — 15-20 и более лет).

А ведь сейчас в армии нет даже понимания того, что она находится в стороне от магистральных мировых путей развития военного дела, и сама постановка вопроса о недостаточном профессионализме российских офицеров потребует немало такта и терпения.

Понадобится время, чтобы офицеры российской армии поняли, что основные постулаты военного профессионализма носят универсальный характер и не зависят от национальных границ. Положение усугубляется тем, что 70 лет "железного занавеса" отгородили российскую армию от остального мира настолько глухой стеной, что в ее лексиконе зачастую нет не только терминов для описания понятий, обычных для западного офицера, но и самих этих понятий.

Это означает, что в течение еще длительного времени — если, конечно, Россия не развалится подобно СССР — нам придется рассчитывать, а если потребуется, то и воевать той армией и тем офицерским корпусом, которые есть. И считаться с тем, что российская армия вряд ли будет лучше той, которую мы видели и видим в Чечне и Дагестане, безотносительно к тому, какие силы придут к власти в Кремле. И даже, если все ресурсы, которые еще остались у России, будут, как это уже бывало в прошлом, вновь брошены на увеличение численности и довооружение армии, то и в этом случае она будет лишь бледной тенью советской армии начала 80-х годов, к тому же вооруженной устаревшим вооружением периода "холодной войны". Вряд ли надо доказывать, что на новое оружие, отвечающее требованиям современного этапа военно-технической революции на Западе, у России нет ни денег, ни технологий.

²⁵ Сегодня, 17 августа 1996 г.

Так что думать надо о том, как повысить эффективность имеющейся армии с учетом реально существующих трудностей и ресурсных ограничений. А для этого надо прежде всего разобраться в причинах пробуксовки в деле так называемого реформирования армии. Объяснения этому приводятся самые разные — тут и нехватка денег, и отсутствие у руководства страны интереса к проблемам армии и ВПК, и неудачный подбор президентом генералов на высшие должности в Министерстве обороны и других силовых ведомствах, и даже подрывные действия неких зловещих сил, разваливших сначала Советский Союз, а теперь стремящихся к подрыву оборонной мощи России.

Никто, однако, не хочет признаться в том, что дело обстоит намного хуже, и что ни президент, ни правительство, ни сами военные просто не знают, что делать с армией и оборонной промышленностью в новых экономических и политических условиях.

То российское руководство, которое пришло к власти после распада СССР, совершенно не представляло себе, что такое современная армия и как должны строиться ее отношения с обществом, государством и экономикой. Не зная, чем занять доставшуюся ему по наследству огромную и дорогостоящую советскую армию, Б.Ельцин стал требовать, чтобы армия сама себя "реформировала". Генералы же, в течение полувека изучавшие только опыт Великой Отечественной войны и черпавшие свои представления об иностранных армиях и военном строительстве за рубежом исключительно из оценок ГРУ, препарированных под интеллектуальный уровень и взгляды военной верхушки, в свою очередь стойко стояли на том, что армия себя реформировать не может, и настаивали, чтобы их реформировали сверху.

И такая игра в пинг-понг между властью и армией продолжается уже почти десять лет.

Между тем, еще Петр I, заложивший основы одной из самых современных и победоносных армий XVIII века в условиях, когда Россия была еще относительно бедной и малонаселенной страной (14 миллионов жителей по сравнению с 20 миллионами во Франции), дал рецепт выхода из подобных ситуаций: не знаешь, что делать — учись у других. И не просто копируй чью-то понравившуюся армию, а синтезируй чужой опыт, выбирая из него все лучшее и наиболее подходящее для национальных условий.

Вот, например, как Петр I решил задачу составления военно-морских уставов для создаваемого им российского флота (сведенных в огромный фолиант, который и сейчас поражает своей детализацией и четкостью формулировок).

30 октября 1717 г. Петр направил адмиралу Ф.М.Апраксину следующее указание о переводе иностранных морских законодательных актов, сведении их в одно целое и составлении проекта русских морских уставов (цитируется по оригиналу):

Чтоб шаутбейнахту Паддану придать из русских офицеров, которые по аглински умеют, чтоб перевести весь полный аншталт, как флота, так и магазейноф аглинских, а вице-адмиралу Крейсу галанския, а французския к новому году поспеют.

Датской аншталт был у князя Михайла Голицина, чтоб ево сыскать.

И все сии вышеписания свесть и ис того сделать свой (подчеркнуто нами – Ред.).²⁶

Пора и российской армии кончать с игнорированием зарубежного военного опыта. Все страны СНГ его уже давно изучают, и только Россия одиноко стоит в стороне. Конечно, на бездумном заимствовании иностранного опыта можно обжечься, как обожглась Россия на гарвардских рецептах экономического либерализма. Однако необязательно выбирать самые неподходящие для России и наименее апробированные на самом Западе рецепты, как это сделали наши "экономисты-реформаторы".

Существуют такие принципы и пути военного строительства, которые давно уже носят аксиоматичный характер, приняты во всех ведущих правовых государствах мира и не требуют проведения каких-то долгих прогнозных исследований и разработок доктринальных положений.

Кто, спрашивается, мешал нашим генералам использовать зарубежный опыт подготовки профессиональных сержантов? Да будь у нас профессиональный сержантский корпус, не было бы в армии ни "дедовщины", ни ежегодных призывов лейтенантов-двухгодичников, ни движения солдатских матерей. Да и потери в Чечне были бы намного меньше.

Таких лежащих на поверхности и не требующих дополнительных расходов возможностей повышения эффективности армии упущено немало.

К сожалению, за истекшие после подписания 31 августа 1996 г. Хасавюртовских соглашений три года ни политики, ни генералы, видимо, так и не поняли истинные причины неудач российской армии в чеченской кампании 1994-1996 гг. Похоже, они по-прежнему считают, что для того, чтобы победить в Чечне, достаточно стянуть побольше войск и техники со всех концов страны и изо всех силовых ведомств, поставить во главе этой разношерстной группировки боевых генералов, доказавших свою решительность в прошлой войне, и обеспечить их действиям поддержку в СМИ.

Нет сомнения, что чеченская война не прошла даром для участвовавших в ней российских генералов и офицеров. Военными профессионалами становятся не только благодаря длительной учебе и тренировкам, но и в ходе боевых действий. Так что вряд ли российские войска будут воевать хуже, чем в войне 1994-1996 гг. и смогут, если понадобится, взять Грозный и даже всю территорию Чечни.

Точно так же должно быть ясно, что к длительной методичной антипартизанской войне ни армия, ни МВД, ни другие спецслужбы не готовы. Для того, чтобы победить в такой войне, понадобится армия минимум в полмиллиона человек (вспомним, что для победы над Шамилем понадобилась 600-тысячная русская армия). Говорить, что Россия при ее разваленной экономике сможет обеспечивать всем необходимым подобную армию — просто нереально. И кто может гарантировать, что военные действия ограничатся только территорией Чечни?

Значит, в случае длительного пребывания российских войск на территории Чечни неминуем возврат к ситуации лета 1996 г., до занятия чеченцами Грозного 6 августа (ее прекрасно описал в своих репортажах того времени обозреватель "Известий" Валерий Яков), когда генералы докладывали, что

²⁶ Мемория Петра I адм. Ф.М.Апраксину о переводе иностранных морских законодательных актов, о сведении их в одно целое и о составлении проекта русских морских уставов,.. от 30 октября 1717 года. // Законодательные акты Петра I / под ред. Б.И.Сыромятникова. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1945.

противник рассеян или загнан в горы, в то время как реальная власть в городах и селах принадлежала полевым командирам по негласному соглашению с российскими войсками на местах. В результате армия стала настолько быстро разлагаться и терять боеспособность, что вывод российской группировки из Чечни стал, в сущности, единственным способом предотвратить ее окончательную деморализацию и развал.

Вряд ли при повторении подобной ситуации найдется еще один генерал Лебедь, который возьмет на себя непопулярное, похожее на капитуляцию, решение о срочном выводе войск из Чечни. Политики на такой самоубийственный поступок уж точно не решатся. Вспомним, как президент Ельцин еще 19 августа 1996 г., спустя почти две недели после захвата Грозного боевиками, подписал поручение, в котором Лебедю предписывалось "восстановить систему правопорядка в Грозном по состоянию на 5 августа". Ведь тем самым Ельцин дал толчок к возобновлению военных действий и подвѣг генерала Пуликовского на его знаменитый ультиматум населению Грозного покинуть город в течение двух суток.

Спрашивается, зачем снова наступать на те же грабли? Зачем разжигать в стране военный психоз, как если бы началась новая Отечественная война?

Проблема Чечни — долгосрочная проблема, которую сейчас не решить хотя бы в силу политической, экономической и не в последнюю очередь военной слабости России. В то же время армия в Дагестане доказала, что она вполне в состоянии давать достойный отпор вылазкам даже крупных бандформирований. На большее чеченские полевые командиры просто не способны. Цель их вылазок очевидна — подтолкнуть Россию к крупномасштабной войне на Кавказе.

Значит, наиболее разумная линия поведения для российского руководства состояла бы в сочетании решительного соразмерного отпора вооруженным провокациям с поисками политического решения чеченской проблемы.

Важно только не забывать при этом, что в историческом плане все это окажется бесплодной суетой, если Россия не возьмется наконец за строительство современной эффективной армии. Если все действия армии на Кавказе будут рассматриваться через призму решения этой неотложной задачи, то пролитая там российской армией кровь может оказаться не напрасной.